

Валерий**АЛЁХИН***г. Москва*

Жители небольшого приграничного городка, затерянного в бескрайних казахских степях, давно привыкли к выстрелам, часто доносящимся с гарнизонного стрельбища, расположенного за южной окраиной в похожей на пиалу предгорной котловине, охваченной полукружьем гранитной скалы, за которыми ступенями поднимаются ввысь, заслоня горизонт, поросшие хвойными лесами отроги хребта Тарбагатай.

С его верхней, трёхкилометровой точки в ясную погоду и в мощный бинокль далеко-далеко на юге можно рассмотреть величественные, заснеженные пики Тянь-Шаня, на севере – нагромождения горных хребтов седого Алтая, увенчанного ослепительно-белой вершиной Белухи, а на северо-западе, совсем рядом, под ногами – овальное, вытянутое на полторы сотни километров бирюзовое блюдо озера Зайсан со спящими по его водной глади и сверху кажущимися игрушечными рыболовными судёнышками.

Вверенная нашему пограничному отряду территория клином врывается в «сопредельную сторону». Из тринадцати пограничных застав отряда две находятся на танкоопасном направлении,

поскольку расположены на равнине, остальные разбросаны по горам. От городка, в котором дислоцирована наша пограничная воинская часть, и находится командование погранотряда, до советско-китайской границы на восток по прямой – не более пятидесяти километров, а кое-где с южной стороны – и того меньше. К западу на сотни километров тянутся бугристые, покрытые рябью мелких сопков пыльные степи со стадами овец, лошадей, верблюдов, сайгаков да бродячими кустами «перекати-поле». Климат – резко континентальный. Температура летом – до плюс сорока, зимой – столько же со знаком минус. Городок так же, как и озеро, называется Зайсан.

Пограничный гарнизон расположен на его восточной окраине за зелёным дощатым забором с большой красной звездой над воротами. Население – в основном казахи, уйгуры, русские – занято скотоводством, рыболовством, охотой и на различных работах в городе. К нам относятся дружелюбно и с уважением, видя в нас своих защитников от непредсказуемых соседей. На улице можно встретить и модно одетую молодёжь, и седобородого акакала в традиционной националь-

ной одежде. Кочующие по степи со своими отарами, стадами и табунами пастухи гостеприимно встретят любого путника, пригласят в крытую кошмой юрту, угостят горячим бешбармаком прямо из казана и душистым травяным чаем с молоком. Тысячелетиями живущие в гармонии с природой, умеющие читать её знаки, наделённые природной мудростью, они с первого взгляда видят, кто перед ними – добрый человек или злой, лукавый, с кривой душой. Предупредят, если видят чужого.

А ещё наш городок известен тем, что именно отсюда, из Зайсана, сто лет тому назад с небольшим отрядом в двенадцать человек начинал одну из своих экспедиций – через Тянь-Шань в Тибет – знаменитый русский учёный, военный, путешественник Николай Михайлович Пржевальский.

Такова наша дислокация. Не раскрываю тебе, дорогой читатель, никакой военной тайны. Это известно и «сопредельной стороне». К тому же представь, будто «машина времени» перенесла нас с тобой из Настоящего в Прошлое, в самое начало 70-х годов минувшего века, где мы сейчас и находимся. Стало быть, отвечать не перед кем. Разве что виртуально. А в реальном времени, в Настоящем, – этот пограничный участок давно находится на территории другого суверенного государства, многое на границе поменявшего.

Впрочем, мне ответить, по-видимому, придётся – перед своей памятью, совестью и честью. Я должен, обязан рассказать тебе об одном печальном, трагическом событии тех лет, свидетелем которого являлся, а виновных у которого вроде бы и нет...

* * *

Декабрь 1970 года. Стрельбище. Сегодня стрельбы не учебные, а показательные. Командование погранотряда по традиции демонстрирует перед новобранцами огневую выучку пограничников. Мы, новобранцы, рядовые учебной заставы, в новеньких, натирающих шею шинелях, кирзовых сапогах и шапках с опущенными «ушами», с побелевшими носами, переминаясь с ноги на ногу и притопывая, не по уставу пряча в рукава заочневшие пальцы, растопырив руки, как пингвины в Антарктиде, встречающие полярников, рассыпались шеренгой по пологому склону, глазеем на развернувшуюся внизу огненную феерию.

Стрельба ведётся боевыми патронами и снарядами из всех имеющихся в погранотряде видов вооружения. Распластавшиеся на огневом рубеже стрелки, упёрши в плечо автоматы Калашникова,

деловито, расчётливо, по два-три патрона в очередь, со щёлканьем укладывают пули в фанерные мишени; одиночными бронебойными насквозь пробивают вкопанные в землю рельсы и прочую металлическую арматуру. Разбрасывая искры, пули с визгом уходят рикошетом в стороны, раскалённые докрасна, падают с шипением в снег. В этом оркестре, управляемом невидимым дирижёром, одни исполнители меняют других. Похожие на стрекотание швейных машин автоматные очереди сменяются размеренной барабанной дробью станковых пулемётов, которые, в свою очередь, заглушаются гулким уханьем крупнокалиберных пулемётов, торчащих из башен расположенных поодаль бронетранспортёров и БМП (*боевых машин пехоты*. – *Прим. автора*): здесь и далее расшифровываю исключительно для читателей, малосведущих в воинской терминологии). Отплёвываясь минами, «работает» «малая артиллерия» – миномёты, дополняя картину «боя» кустиками разрывов на краю стрельбища. Закладывая уши, разрывая барабанные перепонки, бабахают ручные и станковые противотанковые гранатомёты, с лёгкостью прожигая броню стоящих вдали макетов танков «вероятного противника».

Темнеет здесь быстро. Кроваво-красный солнечный диск, цепляясь за гранитные зубья скал, немного помедлив, будто что забыл, полыхнув напоследок холодным пламенем, величественно скрывается за ближайшей горой. Лишь дальние скалы, подсвеченные последними лучами, ещё алеют рождественскими свечками, а ближние на фоне малинового заката словно догорающие угли костра переливаются всеми оттенками красного цвета, постепенно затухая.

Распахнув слезящиеся от ветра глаза, раздирая смёрзшиеся ресницы, забыв о стрельбе, о лютом морозе, накрывшем котловину серебристым покрывалом, очарованный зрелищем, замороженно смотрю на всю эту неописуемую красоту, буйство красок дикой природы.

В завершение – гвоздь программы – стрельба трассирующими пулями, особенно эффектно выглядящими на фоне темнеющей сцены стрельбища. Теперь уж не удерживаются и некоторые офицеры, подхватывают у отстрелявших бойцов ещё горячие от стрельбы «калашниковы», под сумки с оставшимися патронами и – кто лёжа, кто стоя, кто с колена – начинают палить по всем мишеням, превратившимся в решето и уже не падающим от пулевых попаданий. Стрекотня «швейных машин» переходит в сплошной грохот. Светящиеся «пунктиры», «точки» и «тире» трассеров стремительно улетают в пустоту и гаснут вдали у

подножий гор. Иные пули, чиркнув о камень, мгновенно меняют направление и так же бесследно исчезают. Звучат последние выстрелы, всё постепенно затихает. И только обезумевшее эхо ещё какое-то время мечется над стрельбищем, отскакивая от крутых горных склонов...

Оглохшие, под впечатлением от увиденного молча и быстро, чтобы согреться, шагаем колонной в гарнизон. Рядом топают Серёжка Осетров, мой школьный товарищ, с которым вместе призывались и прибыли сюда пару недель тому назад. Сухощавый, жилистый, крепкий, подбирая ногу, стараясь не наступать на пятки передиидушего, вышагивает в строю, не глядя по сторонам. Машинально бросаю взгляд налево, на песчаный карьер, что мы видели при входе на стрельбище, сразу за шлагбаумом. Сейчас, в полумраке, он таинственно чернеет и ничего особенного из себя не представляет. Зато днём выглядел совсем иначе. Оранжево-красный, удивительной чистоты и красоты песок искрился на солнце каждой песчинкой, весело играя радужными переливами и словно приглашая плюхнуться в него как на пляже – пузом вверх и ни о чём не думать! В голову почему-то пришло сравнение с цветом песка на арене испанской корриды, обагрённого невинной бычьей кровью, пролитой на потеху и в угоду кровожадной публике...

Как мы сюда попали? Добровольно, по собственному желанию, не имея ни малейшего побуждения «закосить» от срочной службы. Говорю серьёзно, без пафоса: нынешним молодым призывникам, наверно, сложно понять врождённую меру ответственности, непоказной патриотизм бывших призывников старшего, послевоенного поколения, впитавших в себя с молоком матери безмерную тяжесть отгремевшей войны с десятками миллионов погибших и искалеченных душ, ненависть к захватчикам родной земли. Конституционную норму о священном долге и почётной обязанности мы понимали буквально, шли служить не по принуждению, а осознанно, как полагаются защитникам, и возвращались гордые, с чувством достойно исполненного этого самого долга. Самым страшным в нашем понимании было прослужить в народе подлецом и трусом, уваливающим от службы в армии. Девушки от таких с презрением отворачивались. Вчерашние десятиклассники, ребята с рабочей барачной окраины большого уральского города, прокопчённого дымом из труб десятков оборонных заводов, эвакуированных из западных районов страны в начале войны и оставшихся в нём по её окончании, сызмальства познавшие и нужду, и тяжёлый труд, мы по первой же повестке явились в военкомат. Стоя

голышом перед членами призывной комиссии, на вопрос военкома: «Где желали бы служить?» – не раздумывая ответили: «В пограничных войсках». Овеянные славой, героизмом и мужеством, эти войска в наших семьях всегда были особо почитаемы (да простят меня десантники, морпехи, лётчики, моряки, ракетчики и другие славные ребята!).

В детстве и юности мы зачитывались книгами о подвигах легендарного следопыта Карацупы, о героях Брестской крепости, по многу раз смотрели «Заставу в горах», «Над Тиссой», играли в пограничников и отчаянно спорили между собой, выясняя, чья очередь сегодня играть подлую роль шпиона. Юные идеалисты – мы мечтали о собственном подвиге!

И вот мы, будущие пограничники, в сопровождении прибывших за нами сержантов, составивших списки и распределивших нас по отделениям, уже едем в воинском эшелоне, качаемся в общих вагонах, засыпаем под мерный перестук колёс, развернув на пыльных полках рваные полосатые матрацы без простыней и подушки без наволочек. Подолгу стоим на запасных путях, пропуская «литерные» и скорые. Конец ноября, вагоны плохо отапливаются, поэтому спим в одежде, кутаясь в тонкие суконные одеяльца. Да и одежда наша не парадная, старенькая – та, из которой давно выросли и которую не жалко будет выбросить по приезду в воинскую часть при получении казённого обмундирования.

На третьи сутки, ночью, прибываем на железнодорожный полустанок с единственным фонарём, сиротливо, со скрипом раскачиваемся на столбе от порывов ветра. Сквозь процарапанную на заиндевевшем вагонном стекле дырочку читаем: «Жангизтобе». Похоже, мы уже в Казахстане. Вдоль железнодорожного полотна выстроились с работающими двигателями и включёнными фарами десятка два армейских бортовых автомобилей-вездеходов ГАЗ-66, в просторечии – «шишига». Из встречающих – лишь несколько младших офицеров, вылезших из тёплого «газика». Без оркестра. И больше – ни души! Выгружаемся, буквально вываливаемся из спёртой вагонной духоты, жадно вдыхая свежий морозный воздух, прочищая лёгкие. Носы прихватывает сухой трескучий морозец. По-волчьи завывая, метёт снежная позёмка. Впору и нам, задрав головы, завывать на луну. Унылое впечатление от встречи немного скрашивают, внося оживление в толпу, шуточки типа: «Мама, я хочу домой!» да папиросы с сигаретами.

Короткий перекур окончен. Наша группа строится и после переключки рассаживается по машинам на холодных откидных скамейках под выцвет-

шими брезентовыми тентами. Оставшиеся в эшелоне едут дальше – на юг, а мы трогаемся в путь в другом направлении – на восток. Едем долго, всю ночь, по заснеженной степи. В полудрёме трясемся по раздолбанной грунтовой дороге, подпрыгивая на колдобинах, болтаемся в кузове, хватаясь друг за друга и за борта. В степи – ни огонька! Впрессованные плечами друг в друга, как оловянные солдатики, послушно раскачиваемся из стороны в сторону, дублируя зигзаги пути. Что нас ждёт впереди – не ведаем. Но сильно уж не унываем, к резким поворотам судьбы, к лишениям и отсутствию комфорта в свои восемнадцать лет давно привычны, не в тепличных условиях росли – как говорится, «все удобства во дворе». Да и вовсе не судьба нас, а мы её выбираем! Уральцы, сибиряки – ребята крепкие, выносливые, надёжные, многие из семей потомственных казаков, издревле поставленных тут на службу в острогах или сосланных во времена рассказывания, раскулачивания и иных кампаний, а также потомки тульских мастеровых, согнанных при Петре на Демидовские заводы. Отцы и деды – народ степенный, спокойный, но если обидеть – спуску не дадут, запросто могут и вдарить. Брехать безнаказанно у обидчиков не получится! Для нас подрасться – праздник, разумеется, без злобы, до первой крови, как было заведено в старину на кулачных боях. Уральский говорок незамысловатый, скупой, экономит на гласных и на эмоциях, слова у народа не дешёвы – климат не тот, не курортный. У мастерового люда жизнь тяжёлая, ко всему нужно приложить не слово, а руку да смекалку. Впрочем, крепкое слово иногда тоже помогает. Стало быть, едем, подбадривая друг друга на нашем привычном «уральском» диалекте смачными анекдотами да прибаутками.

Под утро, преодолев триста пятьдесят километров и почти упёршись в границу с Китаем, прибываем в конечный пункт следования – город Зайсан, о котором я уже рассказывал.

Первым делом с дороги нас ведут в баню. Какое блаженство – окунуться с мороза в горячий пар, похлестать друг друга вениками, смыть с себя гражданскую дорожную грязь, отмокнуть, отогреться! На выходе из помывочной, протирая глаза, толкаясь и переглядываясь, останавливаемся в недоумении и малость в испуге, наблюдая следующую жуткую картину: наш долговязый старшина в длинных чёрных казённых трусах, сапогах на босу ногу и накинутом на голое тело брезентовом фартуке стоит с топором в руке посреди раздевалки перед большим деревянным чурбаном, как палач возле плахи, и размашисто рубит

на нём наши гражданские вещи – телогрейки, штаны, рубахи – всё, что не вошло в посылки, отправляемые нашим родителям. Грубо, безжалостно, по живому – обрубает пуповину, последние швартовы, ещё соединяющие нас с прошлой жизнью, чтобы ни у кого не осталось в башке соблазна туда вернуться. У него, видать, ничего не пропадает – всё идёт на ветошь в гараж автобро-нетехники. Хозяйственный мужик! А для каждого из нас на скамейках уже приготовлено новенькое обмундирование: защитного цвета гимнастёрка с зелёными петлицами, брюки-галифе с завязками внизу, широкий ремень с латунной бляхой, комплект зимнего и летнего нательного белья, два вафельных полотенца, зимние и летние портянки, солдатские рукавицы, котелок, вещмешок; перед скамейками ровными рядами стоят кирзовые сапоги, на вешалках висят шинели с такими же, как на гимнастёрках, зелёными петлицами; над ними на полках лежат серые цигейковые шапки с жёлтыми кокардами и зелёные фуражки с тёмно-синими околышами. Полагается ещё и парадная форма, которую мы получим позже, через полгода, по окончании «учебки».

Вот это да! Не верится – неужели всё это наше? Осторожно трогаем вещи, рассматриваем. Не торопясь, как инопланетяне, привыкающие к своей новой одежде, одеваемся, и только после этого начинаем понимать, что отныне мы – пограничники и всё теперь будет по-другому, наша прежняя беспечная, беззаботная, бестолковая жизнь осталась где-то там, на «гражданке», по ту сторону привычных представлений, безвозвратно растворившись в прошлом, а новая – суровая, упорядоченная – начнётся с чистого листа и будет распланирована на два года вперёд.

Знать бы тогда, что для некоторых из нас Провидением уже было уготовано иное расписание!..

Наше подразделение именуется: «учебная застава», коротко – «учебка». В длинной приземистой казарме в два яруса стоят кровати и тумбочки, вдоль стены – шкафы с оружием, подсумками для магазинов с патронами, сапёрными лопатками, касками и противогазами. Над входной дверью – большая красная «тревожная» лампа, мигающая по команде «тревога!». В противоположной от входа стене – ещё две двери: в каптёрку старшины заставы и в пропахшую крепким стоялым потом сушилку с валенками и овчинными полушубками. Сержанты, командиры отделений, показали каждому его кровать и тумбочку, куда мы сложили привезённые с собой мыло, зубную, одежную и обувную щётки, кружку, ложку, бритву, почтовые конверты, остатки дорожной еды и прочее личное

имущество, половину из которого после придиричивого осмотра старшина приказал выбросить, проворчав: «Не положено. Чего не хватит – купите с полочки в солдатском ларьке». А «полочка» (жалованье, денежное довольствие) у рядового богатая! – аж целых три рубля плюс восемьдесят копеек на сигареты в месяц. Поневоле закуришь!

Звучит команда: «Стройся!» Всё. Воинская служба началась.

* * *

Шло время, которого мы с Сергеем не замечали, осваивая азы пограничной службы: следопытство, виды пограничных нарядов, порядок следования в наряде, ориентирование на местности, способы маскировки, техническое оборудование пограничной полосы, всевозможные ухищрения нарушителей, чем отличается делимитация госграницы от её демаркации, международное положение и многие другие важные вещи, которые обязан знать пограничник. Кроме того, стреляли из разных видов оружия, вслепую его разбирали и собирали, бегали, прыгали, отжимались, подтягивались на перекладинах, поднимали штанги и гири, овладевали приёмами рукопашного боя, боксёрскими перчатками расплющивали друг другу носы на импровизированном ринге, от хронического недосыпа клевали носом на политзанятиях, несли службу в карауле, драили полы в казармах, безропотно чистили в наряде картошку на кухне (куда, впрочем, многие из «учебки» первое время старались попасть с голодухи: порции в солдатской столовой казались уж больно маленькими, и «хлеборезы» пользовались особым уважением). А вот такие дисциплины, как тактическая и строевая, поначалу вызывали у нас вопросы. Зачем погранцу строевая подготовка? Ведь пограничники в наряде, рассуждали мы, не ходят строевым шагом. А тактика, казалось нам, нужна только воинским частям Минобороны, но не погранвойскам, подчинявшимся КГБ. Не лучше обстояло дело и с «отданием чести»: не понимали, зачем её нужно обязательно кому-то «отдавать» рукой под козырёк при встрече с такими же военными, если она, Честь, всегда при нас и нам самим пригодится?! Термин какой-то неудачный и даже обидный для нормальных мужиков! Казалось, чего проще: обменялся рукопожатием или махнул рукой издалека, бросил при встрече: «Здравия желаю!», а при прощании, как у офицеров, кивнул головой: «Честь имею!» – и шагай себе дальше с честью и достоинством.

Но высказывать эти мысли командирам вслух,

чтобы не попасть впросак, не решались – раз прописано в воинском уставе, значит, так надо, с дисциплиной не поспоришь! Посему, выпячивая грудь, натирая сбившимися в сапогах портянками мозоли на ногах, чеканили шаг на строевом плацу с оружием и без. Зимой, в лютые морозы, путаясь в широких белых маскхалатах, ползали по снегу. По команде «в атаку – вперёд!» вставали, скривив лицо на студёном ветру и едва шевеля обледеневшими губами, бормоча себе под нос крепкие слова в адрес сурового командира, разворачивались в цепь, бросали гранаты (не только учебные) и шли в атаку на «условного противника» с примкнутыми штыками и сиплым криком «ура!» из простуженных глоток. Знойным летом, с полной боевой выкладкой и в ПХЗ (противохимический защитный комплект), похожие на инопланетян или предвестников Апокалипсиса, обливаясь потом, не разбирая дороги сквозь запотевшие стёкла противогазов, топчась сбитыми сапогами и поднимая тучи пыли, как стадо бизонов, распугивая своим видом сайгаков, бегали по степи, отрабатывали командирские вводные, рассыпаясь в стороны по команде «к бою!» и падая на землю под «вспышку слева!» или «вспышку справа!». Высекая искры, долбили сапёрными лопатками тяжёлый каменистый грунт, окапывались, маскируя бруствер вырытого окопа духмяным чабрецом, горькой полынью, бледно-зелёными веточками саксаула.

Суровый климат и ежедневные занятия закаливали наши тела и души – уставшие тела молили о пощаде, а души грубели, черствели, опускались на землю, утрачивая былой романтизм. В медсанчасть обращались редко и лишь по серьёзным поводам – совестно было перед товарищами, «сачков» не жаловали. Такую мелочь, как повышенная температура, переносили на ногах, марш-броском её враз вышибало! За два года службы я, увы, побывал там однажды. Упирался, но силой привели под руки сослуживцы, как под конвоем в сопровождении старшины. Не с пустяком – с переломом ладьевидной кости в запястье левой руки. Да и то, не отбыв там положенный срок (минимум месяц), сбежал в своё подразделение дней через десять «под мою ответственность» и обязательство избегать больших нагрузок на руку, пряча за гипсованную кисть в рукав. Как и следовало ожидать, по первой же «тревоге» начавшая было срастаться кость, прострелив руку дикой болью, опять сломалась.

«Я ведь тебя, упрямого, предупреждал, – ворчал военный хирург-травматолог, сдирая старую и накладывая новую гипсовую повязку. – Теперь уж вряд ли срастётся. Образовался узел. Кости за-

пяться хоть и маленькие, но капризные, плохо срастаются даже после первого раза. Только удалять. Но с этим – в Москву, в Центральный институт травматологии и ортопедии (ЦИТО). Там специалисты толковые, сохраняют двигательную функцию кисти. На сегодня отпускаю, но если уж совсем прижмёт – сразу ко мне, могу комиссовать. Или терпи до дембеля. Это не смертельно. Может, притрутся и нерв задевать будут реже». Я и терпел, мучался, но никому не жаловался. В скором времени две половинки сломанной косточки как-то нашли «общий язык», боль притупилась. Последствия той армейской травмы донныне иногда «передают привет» из прошлого...

Наши родители в нас, теперешних, возмужавших, с трудом узнали бы своих сыновей. А мы терпели, крепчали, стойко переносили все тяготы и лишения воинской службы, к чему ежедневно призывали командиры. Успокаивали себя: скоро всё это закончится и мы наконец-то попадём на погранзаставы, где и начнётся настоящая служба. Размечтались! Мечтали все, но непосредственно на границу попадали немногие. У командования были свои методы отбора из ежегодно увеличивающейся массы прибывающих призывников при сохранении утверждённого количества штатных единиц на заставах. Личное желание уже не учитывалось. Отбирались лучшие, надёжные, выносливые. Но и в гарнизоне такие были нужны. Короче, сортировали нас исходя из потребностей подразделений. Большинство первогодков оставляли служить в манёвренной группе и других подразделениях гарнизона.

Так, почти незаметно, пролетели первые шесть месяцев нашей службы. По окончании «учебки» в торжественной обстановке, в парадной форме, перед строем каждый получил под расписку личное боевое оружие и дал военную присягу, после чего нам огласили списки – кому и где предстоит продолжить несение службы.

И разъехался наш призыв: кто-то – прямиком на заставы, кто-то – в школу снайперов, кто-то – в автошколу, кого-то отправили учиться на проводника служебной собаки.

Увы, нам с Серёгой не повезло! Его направили в миномётную батарею (минбат), что дислоцировалась в гарнизоне, меня – в сержантскую школу, учиться дальше, здесь же в гарнизоне, ещё полгода. Настроение у нас в то время было неважное (воздержусь от более крепкого словца). Встречались реже, накоротке... Постоим, поболтаем на темы: как дела? что пишут из дома? – и разбежимся.

Мы-то знали, куда едем и чем рискуем. А вот тебя, уважаемый читатель, в этой части рассказа,

пожалуй, следует ввести в курс дела. Тем, кто не знает или забыл, попробую кратко и своими словами описать непростую обстановку на советско-китайской границе тех лет.

Относительно безоблачные и добрососедские отношения СССР с Китаем осложнились в 1956 году после известной речи Хрущёва на двадцатом съезде КПСС с осуждением культа личности Сталина и последовавшими вскоре изменениями нашей внешнеполитической доктрины, что привело к идеологическим разногласиям.

Председатель Мао, «Великий Кормчий», уважал своего друга Иосифа, высоко ценил его помощь в становлении и признании Китайской Народной Республики и потому посмертное шельмование вождя считал предательством и изменой общему делу строительства коммунизма. Но ещё больше он втайне и не без оснований опасался, что и его культ ещё при жизни таким же образом может быть осуждён товарищами по партии. Понадобился внешний фактор для отвлечения внимания от его персоны и этой щекотливой темы. Одновременно ему необходимо было выявить и нейтрализовать потенциальных оппозиционеров внутри своей страны. Ну и, наконец, банальная аксиома – с усилением государства увеличиваются и его амбиции. В этом, на мой взгляд, и кроется мотивация всех его последующих шагов (или «скачков»), начиная с «культурной революции». Возможно, ошибаюсь или не все причины назвал.

В результате маоисты обозвали нас ревизионистами, вставшими на путь «социалистического империализма», объявили «войну идей», даже начали потихоньку заигрывать с «американскими империалистами». Очевидно, нам назло или для укрепления своего международного авторитета за наш счёт, а может, просто – был нужен подходящий повод.

Китайской стороной всё чаще стал подниматься вопрос о пересмотре границ и о возврате так называемых «незаконно оккупированных северных территорий» с апелляцией к Нерчинскому договору 1689 года и к более ранней истории без учёта более поздних – Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) – международных договоров. В ходе переговоров выдвигались в числе прочих и такие абсурдные требования, как «передача» им Монголии и ядерного оружия. Начались провокации, сопровождавшиеся демонстративными переходами линии границы толпами размахивающих красными цитатниками Мао мирных и не очень мирных китайских граждан с последующим их вытеснением обратно на китайскую сторону нашими пограничниками без применения оружия; выпасами скота и осуществлении

ем иной хозяйственной деятельности в нарушение пограничного режима китайскими крестьянами на нашей территории как на своей собственной; нападениями хунвэйбинов на советские пограничные патрули и постреливанием в нашу сторону по всей, растянувшейся более чем на 4000 километров, линии советско-китайской границы, достигшие апогея к концу 60-х годов.

Здания посольств обеих стран, в Москве и Пекине, возмущённые граждане взаимно забрасывали чернильницами. При этом китайская и западная пресса в провокациях почему-то обвиняла нас. Конфликтная атмосфера накалилась до предела. Пограничники обеих сторон смотрели друг на друга сквозь прорези прицелов. Дипломаты не могли договориться, всё более увязая в переговорах, спотыкаясь на взаимных требованиях. Никто не шёл на уступки в стремлении «сохранить лицо». Гнойник противоречий нарывал, увеличивался в размерах, и постепенно становилось очевидным, что его вот-вот прорвёт. И прорвало. Прозвучали выстрелы на поражение, появились первые жертвы с обеих сторон.

После дальневосточного вооружённого конфликта с китайцами на острове Даманский в марте 1969-го и мало кому известного боя на Джунгарском выступе возле озера Жаланашколь (участок соседнего с нашим погранотряда) в августе того же года, повлёкших серьёзные боевые потери в мирное время, высшее военное командование нашей страны из стратегических соображений вынуждено было принять дополнительные меры по укреплению государственной границы с неспокойным и агрессивным соседом, усиливая тыловое прикрытие погранзастав.

Отдельные войсковые соединения советской армии, в частности, дивизионы новейших на тот период установок залпового огня «град» и танковые подразделения, подтягивались ближе к советско-китайской границе. В погранотряды поступала лёгкая бронированная техника, миномёты, противотанковое вооружение, автомобили повышенной проходимости, расширялись, доукомплектовывались оружейные, вещевые, продовольственные склады и всё такое прочее. Пограничная полоса оборудовалась новыми электронными системами охраны и слежения.

Для обслуживания и эксплуатации всего этого хозяйства личный состав гарнизонов существенно пополнялся и делился на несколько подразделений, которые именовались: «минбат», «авторота», «рота связи» и так далее.

Для планового или экстренного пополнения застав, несущих службу непосредственно на гра-

нице, а также для ликвидации прорывов границы и сдерживания сил «вероятного противника» до подхода наших основных сил в гарнизонах формировался резерв в виде «манёвренных групп», состоявших из подразделений, именуемых: «застава» (застава первая, вторая и так далее), в боевой обстановке действующих из бэтээров и БМП. Оттачивались механизмы оперативного взаимодействия подразделений.

В общем, из подчинённости КГБ погранвойска постепенно переводились в ведение Минобороны. Единственное, что не тронули, так это пограничные заставы. Они продолжали функционировать в прежнем режиме. Получай приказ: «Выступить на охрану государственной границы СССР!» и топай свои километры с автоматом на плече в «дозоре», замри в «секрете», зорко осматривай в бинокль свой сектор с «поста наблюдения», отслуживай свою смену на вышке «часовым заставы» или проверяй пропуску у шлагбаума при въезде в погранзону. Только траншеи вокруг застав становились глубже и длиннее, «тревоги» завывали чаще, более напряжённой и опасной становилась служба. Те пограничники, кто шли под пули и погибали на Даманском, ещё не знали, что спустя 22 года, в 1991-м, этот пропитанный их кровью остров будет окончательно сдан китайцам...

Вот в такую горячую, сложную, запредельно конфликтную, пахнущую порохом и кровью обстановку мы с ходу окунулись! Надо отдать должное командирам: они не играли с нами «втёмную», честно предупредили сразу по прибытии. Но это уже ничего не могло изменить. Мы всё понимали и были готовы ко всему, труса не праздновали – не в наших характерах.

* * *

Прошёл год службы, пошёл второй, а мы с Серёжкой настоящую границу ещё и не нюхали, если не считать несколько выездов: восстанавливали повреждённую оползнем дорогу на одну из высокогорных застав да помогали возводить оборонительные укрепления, рыли траншеи полного профиля на равнинных заставах, откуда свободно просматривались китайские погранвышки, серые одноликие фигуры китайских пограничников с нашими же автоматами Калашникова за спиной, недобрыми взглядами и недружественными жестами.

Надоело фотографироваться в гарнизоне с автоматом наперевес возле учебного красно-зелёного пограничного столба с гербом СССР, вкопанного на клочке образцово распаханной «под гребёнку» учебной КСП (контрольно-следовой поло-

сы), и лицемерно корчить из себя бывалых пограничников. Стыдно было отправлять эти лживые, бутафорские фото домой. У многих в тумбочках лежали неотправленными такие фото, сделанные ещё в «учебке». С завистью смотрели мы на счастливых, получивших предписание убыть для дальнейшего прохождения службы на такую-то заставу, торопливо собиравших в вещмешок нехитрый солдатский скарб, радостно прыгавших в армейский «газик» и исчезавших в раскалённой пыли дорог, веером разбегающихся от гарнизона к заставам. К вечеру усталый запылённый «газик» возвращался и привозил с заставы нескольких отслуживших свой срок и увольняющихся в запас пограничников. В вылинявших, выцветших на солнце гимнастёрках ещё того, старого образца – с воротником-стойкой, в стоптанных, но начищенных до блеска сапогах, с мужественными, обветренными, загорелыми до черноты лицами – прибывшие с заставы пограничники выглядят в наших глазах героями, фронтовиками, вернувшимися с переднего края, бывалыми мужиками, хоть и были они лишь ненамного старше нас. Обступив, уважительно трогаем, рассматриваем сверкающие на груди медали и значки, расспрашиваем: «Ну, как там служба?» А они отмахиваются устало: «Ничего особенного, служба как служба. Где тут у вас солдатский ларёк? Или уже обзавелись магазином? Гарнизон не узнать, многое изменилось. Надо бы прикупить дембельский чемоданчик и так по мелочи на дорожку». И всё. Удивительно скромный народ! Отрешённо взирают на гарнизонную светлую жизнь, будто прибыли из параллельного мира, в который уже никогда не вернуться...

А наша служба продолжается. В который раз среди ночи поднимают по тревоге (незнамо какой – боевой или опять учебной), едем в ночную мглу, в сторону границы – перекрывать прорыв вооружённой (или невооружённой) группы нарушителей с «сопредельной стороны». Хорошо, если это опять только уйгуры, живущие по обе стороны границы. И хорошо, если мирные. В прежние добрососедские времена они «захаживали» в гости к родственникам, чаще «оттуда» – раздобыть чего-нибудь съестного, посетить могилы предков. С ними было проще, чем с другими «гостями». Теперь же, после недавних кровавых боестолкновений на Даманском и на других участках границы, всё гораздо сложнее.

Периодически выезжала на полевые учения и миномётная батарея. Бывало, мелькнёт в кузове знакомая Серёжкина фигура, весело сделает из-под тента ручкой: дескать, привет, тыловые крысы, оставайтесь, а мы – на фронт! – и укатит в

пыльной колонне с прицепленными к машинам, подпрыгивающими на камнях тяжёлыми миномётами с нежным, трогательным названием «Василёк», в предгорья, на дальнее, новое стрельбище с ещё недостроенным КП (командным пунктом).

В каждой машине – боевой расчёт храбрых ребят, убывающих с решительным видом ну прямо как на войну: с полной выкладкой, в касках, с автоматами, вещмешками, скатками шинелей через плечо, под ногами – ящики с боекомплект. Выезжали обычно на неделю, поэтому в голове колонны за командирским «газиком» пылила утыканная антеннами машина роты связи, а в замыкающую «шишигу» загружали палатки и цепляли к ней полевую кухню. Регулярно и наше подразделение выкатывало с таким же храбрым видом туда же на совместные учения «для отработки взаимодействия в условиях, приближенных к боевым».

Служба службой, однако не обходилось и без взысканий. Одно «влепили» и мне. Правда, устно, «без занесения». Ну вовсе даже ни за что! Посуди сам.

Старые армейские металлические кровати в казармах имели слабенькие панцирные пружинные сетки, которые с жалобным скрипом прогибались даже под нашими худыми солдатскими телами почти до пола. Многие привыкли к такому положению, иные просто терпели, а мне надоело спать, скрючившись в три погибели, как матрос в парусиновом гамаке, болтающийся в штормовую погоду в кубрике под палубой старинного пиратского парусника, словно гамбургская сосиска. Ностальгические воспоминания о моём жёстком спартанском топчане, на котором спал с детства в нашем бревенчатом бараке там, на «гражданке», и настоятельная необходимость кардинальных перемен в этом вопросе в итоге сформировали в моём мозгу простое конструкторское решение. Нашёл за казармой длинную бесхозную полусгнившую доску. Распилил её ножовкой по предварительно снятой мерке на несколько коротких, равных по длине отрезков и, выбрав время, когда в казарме никого не было, уложил их под матрац поперёк своей кровати, пропихнув под сетку.

Однако порадоваться собственному изобретению и поспать на таком импровизированном топчане довелось мне всего лишь одну ночь. Подозреваю, что только старшина-служака, у которого я выпросил ножовку, мог «заложить» меня, подсмотрев из своей каптёрки и доложив о моих странных манипуляциях с досками «зубиле» – командиру нашей манёвренной группы, пожилому коренастому подполковнику, собирающемуся в запас на заслуженный отдых, получившему та-

кое прозвище от наших острословов за излишнюю, по нашему мнению, строгость и клиническую занудливость.

Неожиданно нагрянув в казарму на утреннее построение, что было редкостью, медленно окинув всех суровым, немигающим взглядом из-под кустистых седых бровей, тот для проформы, как бы проверяя нашу выправку, прошёлся вдоль строя, вытянувшегося по стойке «смирно!», бесцеремонно подёргал некоторых за слабо затянутый ремень, приказал подтянуть. Остановился возле крайнего в шеренге, постоял, рассеянно рассматривая его сапоги и словно припоминая, зачем сюда пришёл. Вдруг резко развернулся и широко, вразвалку направился напрямик к моей кровати, возле которой в качестве живых ориентиров, чтоб не перепутал, уже стояли замполит и старшина (от недоброго предчувствия у меня тоскливо заныло где-то возле пупка). Одной рукой ухватился за край матраца и рывком перевернул его, обнажив доски. «Это что?! Это почему?! Это чья кровать?!» – театрально, почти по чеховскому «Хамелеону», прогремело на всю притихшую казарму. Будто не знал! В общем, всыпал мне «зубило» показательно перед строем за «неуставные действия» по первое число, чтоб другим неповадно было. Или испугался, что на всех досок не хватит? Не знаю. До сих пор не пойму, за что? Вдобавок почему-то приплёл Рахметова, который спал на гвоздях («Рахметовы нам здесь не нужны!»).

Тупо уставившись в пространство, я едва выстоял, скрипя зубами от обиды и злости: зачем же так унизительно, перед строем, как мальчишку, при всех ребятах позорить! Непедагогично! Вызвал бы к себе по-тихому, выслушал, выяснил причину, разобрался, а там, глядишь, и ходатайствовал бы перед начальником тыла отряда («зампотылу») о замене старых кроватей. Но нет, поступил по-солдафонски, как «зубило» – скрежеща по нервам, снимая с них стружку! Отчитал всласть и в завершение отчитки приказал мне отнести доски на кухню для использования в качестве дров (можешь себе представить мою физиономию после всего этого и согбенную фигуру пограничника с охапкой дров?!). Оправдываться было бессмысленно – распалится ещё больше, не остановишь. Эх, жаль! – не поняли друзья-товарищи, что не для себя только одного старался, сдрейфили перед «зубилой», не выступили в мою защиту единым фронтом!..

В конце дня, перед отбоем, в «личное время» каждый имел право заниматься своими делами. Кто-то, демонстрируя «салагам» железные мускулы, подтягивался на турнике, держась за него перекрёстным хватом – любимым тренировоч-

ным хватом Гойко Митича, культуриста и популярного в те времена киноактёра сербского происхождения, переехавшего в ГДР и много снимавшегося в кинокартинах о борьбе североамериканских индейцев за свои права, знаменитого «Вождя краснокожих». Кто-то надрывно и с хрипотцой, подражая Высоцкому, орал под гитару: «Спасите наши души! Мы бредим от удушья!..» Кто-то, заткнув чем-нибудь уши, перечитывал в уголке любимые книги. Иные подшивали свежие подворотнички, дописывали письма домой или просто смешили, дурачились, подкалывали, разыгрывали друг друга.

Что тут поделаешь! Ведь мы, в сущности, были совсем ещё юными. В условиях неожиданно свалившейся на нас суровой, беспощадной, холодной реальности бытия и необходимости ускоренного взросления ребячество как спасательный круг выручало нас, нам не хотелось взрослеть, расставаться с детством, в котором было тепло и благостно. К такому рваному ритму жизни в режиме постоянного напряжения и тревоги трудно сразу привыкнуть. Реальность порой представлялась абсурдной, вывернутой наизнанку гиперболой, которую невозможно осмыслить. А каково ребятам там, на заставах?! Почему человечество никак не поделит землю, ресурсы и сферы влияния? Зачем отгораживаются границами, создаёт армии и вооружает их всё новыми орудиями убийства? – Эти и другие подобные «взрослые» вопросы уже начинали возникать в наших юных головах в свободное от службы время. «Свободное» – это условно. Команда «в ружьё!» звучала в любое время.

Впрочем, вернёмся к службе. Службу свою мы знали твёрдо, за что имели кое-какие простенькие знаки отличия и благодарности в приказах, сопровождаемые благодарственными письмами командования в адрес родителей. Особо отличившиеся в охране государственной границы – преимущественно те, кто служил на заставах – возвращались домой с честно заслуженными медалями.

Всякое бывало – и весёлое, и грустное, многое уже стёрлось в матрице памяти.

Стёрлось, да не всё...

В тот злополучный день, когда ЭТО случилось, проснулся задолго до команды старшины: «Застава, подъём!» До демобилизации нашему призыву оставалось совсем немного, всего каких-то полгода. К тому времени я уже был в звании старшего сержанта, разок съездил в служебную командировку в один из сибирских городов за призывниками, как когда-то приезжали за нами, и служил во второй заставе манёврен-

ной группы в должности заместителя командира взвода СПГ-9 (станковых противотанковых гранатомётов), поэтому мог себе позволить в нарушение устава встать и одеться до команды. Смутное, необъяснимое, тягостное предчувствие не оставляло, сжимало сердце холодными, железными тисками.

День обещал быть солнечным. Всё в природе оживало, радовалось приходу весны. Солнышко припекало уже почти по-летнему. С утра весь личный состав гарнизона, освобождённый от плановых занятий, кроме караульных, был брошен на уборку территории. На майские праздники ожидали приезд высокого начальства из штаба Восточного пограничного округа с проверкой и награждениями. По этой причине всё везде тщательно подметали, мыли, скребли, подкрашивали, навели «марафет» в казармах.

Показуха – скверное явление в армии, и ничем её, видать, уже не вытравишь! Приукрасить, бросить пыль в глаза, выслужиться перед начальством, эксплуатируя дешёвую солдатскую рабсилу, горазды были офицеры во все времена – и в царские, и в советские, и в нынешние. Один из самых консервативных государственных институтов – армия – тяжело расстаётся с пагубными привычками, не считаясь с потерями...

Закончился песок – тот самый, красивый, оранжево-красный, из карьера, которым «для красоты» посыпали аккуратные дорожки возле комендатуры и гарнизонного Дома офицеров, где планировались торжественные мероприятия. Из большого дощатого короба-песочницы выскребли на носилки последнюю горсть песка.

Получив «сверху», по цепочке, согласно субординации, соответствующий приказ, дежурный офицер дежурного подразделения (в тот день по гарнизону дежурил минбат) спешно, без сопровождения офицера, направил четверых старослужащих солдат, включая водителя, на грузовом автомобиле с лопатами в карьер за песком.

Через КПП в город проследовали четверо. Вернулся только один...

Поначалу никто не понял, что произошло. Мимо застывших от удивления пограничников, будто в замедленном кино, приседая и вихляя искривлёнными задними колёсами, со сплюснутым, как помятая консервная банка, изуродованным неведомой силой кузовом, грохоча оторванным и волочащимся по земле задним бортом, проковылял автомобиль с бледным, перепуганным, вцепившимся в руль водителем. Сквозь трещины в кузове тонкой струйкой сыпался на дорогу Красный песок...

Всех вывел из оцепенения завывающий, царапающий душу сигнал общей тревоги.

Со слов водителя и в результате предварительного расследования «несчастливого случая» была установлена следующая картина ЧП (чрезвычайного происшествия).

Проскочив шлагбаум, что при въезде на стрельбище, и свернув направо вниз, весёлая компания, в отсутствие сопровождающего предоставленная самой себе, влетела в карьер. Лихо развернувшись, задним ходом, как обычно это делали, подогнали грузовик на полкузова под нависший карниз огромного, глубокого песчаного грота, образовавшегося в результате многолетних выработок. Дело привычное, не впервой им было ездить на карьер за песком. Хоть и временная, но свобода! К тому же согревало души близкое дыхание «дембеля» – ещё полгода и домой!

Не спеша перекурили. И вот уже замелькали лопаты, вгрызаясь в отвесную песчаную стену, в кузов полетели первые комья песка. Запоздалое чувство опасности возникло лишь после того, как упавший сверху большой ком сбил с ног одного из них, наполовину засыпав, и остальные бросились его вытаскивать.

Всё произошло мгновенно. словно голова гигантского удава, терпеливо ожидавшего с разинутой пастью своего часа, свою добычу, посверкивая из мрачной глубины зловещими красноватыми отблесками, грот внезапно пришёл в движение: набухший весенней влагой от недавно растаявшего снега песчаный карниз с грохотом сорвавшейся горной лавины рухнул на копошащихся внизу людей! Пасть «удавы» захлопнулась, поглотив свои жертвы, став для них братской могилой! Тонны песка невероятной тяжестью навалились на кузов грузовика, подняли его на дыбы, будто игрушечного, и выплюнули, как жвачку, отбросив отошедшего за лопатой водителя в сторону...

Щурясь на солнце раскосыми глазами, принарядившиеся к празднику горожане испуганно жмутся к обочине, пропуская отчаянно сигналившие армейские санитарные машины, грузовики с солдатами в кузове и колонну бегущих по улице в сторону стрельбища с сапёрными лопатками в руках пограничников. Бегущих молча, тяжело дыша, с суровыми лицами, по которым только и можно было догадаться: произошло что-то серьёзное...

Копаем яростно, торопливо, кто – лопатой, кто – голыми руками, загребаем, отбрасываем в стороны тяжёлые, красные, будто пропитанные кровью комья песка. В мозгу у каждого теплится мысль: может, ещё живы?! Ну почему никто из гарнизонного начальства этого не предвидел, не догадался,

не додумался снарядить в карьер сапёров, которые направленным взрывом давно обрушили бы этот проклятый карниз?! Почему вообще не закрыли опасный карьер?! Обошлись бы без песка!

Для ускорения раскопок кто-то подогнал лёгкий колёсный экскаватор. Расположившись над осыпью, тот крутит стрелой из стороны в сторону, осторожно зачерпывая ковшом влажный песок.

Не передать словами то волнение, которое испытали все после первого вскрика: «Есть! Нашли!» До сих пор стоит у меня перед глазами та страшная картина: высвобождаемые из песчаного плена тела представляли собой манекены; перемолотые чудовищной силой кости были раздроблены, отчего руки и ноги неестественно болтались, как у тряпичных кукол, удерживаемые лишь тонкой кожей и сухожилиями; лица бледные, без единой кровинки и, увы, каких-либо признаков жизни; глазницы, рот, нос и уши забиты песком. Каждого из них с величайшей осторожностью укладывали на носилки, увязая в песке, спотыкаясь и падая, бежали сбоку, поддерживали, помогая санитарам донести трупы до машин.

Откопали двоих. Третьего долго не могли найти. Наконец из песка появились: сначала рука, потом плечо, голова...

Если бы кто взглянул на меня в тот миг – отшатнулся бы! Расширенными от ужаса глазами я всматривался в бледное лицо несчастного: это был... Серёжка Осетров... мой школьный товарищ...

На сцене гарнизонного Дома офицеров, обложенные цветами и венками с траурными лентами, стоят три гроба. В гробах – трое молодых парней. В изголовьях – приспущенные флаги, по бокам – почётный караул из комендантского взвода, держащий у ног карабины с примкнутыми штыками, офицеры с траурными повязками. Возле каждого гроба с печальными, заплаканными, скорбными лицами сидят прибывшие в гарнизон родители, не знающие ничего о произошедшем, напряжённо всматриваются в лица своих сыновей, ещё надеясь, что всё это – сон и сыновья их встанут из гробов живыми. Звучит траурная музыка. Мимо сцены с опущенными головами и фуражками на согнутых руках молчаливой процессией движемся мы, их сослуживцы. Приглушенный свет софитов выхватывает из гробов бледные, тщательно загримированные лица с прикрытыми веками, в уголках которых разве что очень внимательный взгляд мог бы обнаружить несколько сверкнувших красных песчинок.

Прощание было коротким. Прощальные речи командования лаконичны, торжественны, с придыханием: мол, погибли смертью храбрых наши

товарищи при выполнении воинского долга по охране государственной границы СССР, показав пример несгибаемости, мужества и преданности Родине; сохраним в наших сердцах память о героически погибших; выражаем глубокое уважение и сочувствие родителям, соболезнуем и скорбим вместе с вами...

Родители слушали высокие слова, вытирали слёзы, поднимали головы, их сердца наполнялись гордостью за своих сыновей-героев, отдавших жизнь за Родину.

Мне невыносимо больно было смотреть в глаза Серёжиных родителей, в которых, казалось, застыл немой вопрос: вы нам правду говорите или чего-то недоговариваете? Сердца родителей чувствуют фальшь, и командование приложило все усилия, чтобы скрыть от них правду, которая, возможно, оказалась бы для некоторых убийственной.

Сердце моё разрывалось, в глазах стояли слёзы. Но я тогда не решился, предательски опустив голову, молча проплёлся мимо. Родители верили всему, что было сказано, гордились своими сыновьями, считали их героями. Имел ли я право в тот день, как тот карниз, обрушить эту их веру? Не знаю...

Много лет прошло с того скорбного дня, но до сих пор укоряю себя, обвиняю в трусости и малодушии. И этот печальный рассказ, возможно, есть итог моих сомнений и переживаний, дань памяти, вызревшая, вырвавшаяся наружу боль, требующая: расскажи людям, как всё было, без намёков, без утайки, прямо и честно! Об этом же давно просят меня во снах и те трое. Слышу – кричат, взывая к моей совести: «Мы погибли нелепо, глупо, не в бою, не так, как могли бы, как должны были, как мечтали, если уж суждено было нам безвременно умереть! Виноваты не только и не столько мы, как это пытались представить. Нас убили Халатность, Показуха, Равнодушие, и эти преступники не названы, не наказаны, не покаялись, по их вине до сих пор погибают такие же, как мы. Расскажи о нас правду!»...

Могила Сергея находится на старом кладбище нашего посёлка, недалеко от могилы моей бабушки, Анастасии Михеевны. В редкие приезды стою перед его могилой недолго. Не могу. Стыдно и обидно. Тогда, в декабре 1972-го, вернувшись домой по окончании срочной службы, встреч с его родителями избегал, опасаясь страшных и мучительных для меня вопросов. По этой и некоторым иным причинам пробыл дома недолго. Через неделю, собрав в дембельский чемоданчик свои вещи, попрощавшись со всеми, словно убегая от самого себя, шагнул в поезд и уехал в другой город,

где живу и поныне. Но живу ли? Может, только существую с этой тяжкой ношей...

Ну, так как? Назовёшь ли ты, уважаемый читатель, меня бессердечным теперь, в нашем времени, когда родители, а также другие родственники и друзья погибших ребят, прочитав этот рассказ, узнали правду?

Говорят – время лечит. Поставь себя на моё место, подумай и не спеши осуждать...

Твёрдо уверен лишь в одном: по истечении отпущенных мне судьбой лет, на излёте души, покинувшей бременное тело, звякая о медяшки созвездий, сопровождаемый ангелом, предстану перед Творцом на Суд Совесть. Многое с меня спросится, промелькнёт ускоренной кинолентой передо мной вся моя грешная жизнь, вгоняя в стыд и раскаяние отдельными эпизодами, обвиняя в лени, малодушии, трусости, гордыне и прочих смертных грехах. Мелькнёт и этот эпизод, суд над которым, наверное, будет суровым и неоднозначным. Спросят: «Где ты был раньше? Почему молчал?» Не смогу ответить. Рад буду уже и тому, если вина моя пусть частично, но будет снята хотя бы за то, что в земной жизни, как мог, выполнил их просьбу.

Правда, неясно ещё: придут ли с повинной, покаются ли, понесут ли заслуженное наказание названные здесь, в моём свидетельском показании, те трое преступников – Показуха, Халатность, Равнодушные, по вине которых погибли ребята? В том, что они преступники, я уверен. Но допускаю – укажут мне многоопытные адвокаты: «Это всего лишь Ваше частное мнение. Для следствия и суда они

пока даже не обвиняемые и не подсудимые. Более того, в деле вообще нет ясности, одни абстракции и голословные обвинения. Где Ваши доказательства? Предъявите улики!»

У меня нет ни того, ни другого...

И тем не менее – обращаюсь к армейскому руководству: этот вопрос – вопрос «небоевых потерь» в мирное время, который вам, господа-товарищи офицеры, хорошо известен, – к сожалению, до сих пор остаётся открытым. Надо его решить и закрыть навсегда! Это – дело Чести, о которой не мне вам говорить. Иначе рухнет доверие к армии у народа,веряющего в ваши руки самое дорогое – жизни и судьбы своих детей!..

А на Орбите Человеческих Душ, где каяться уже поздно, я обязательно встречусь с Серёжкой и теми парнями, погибшими вместе с ним.

Смирненно уповаю, что и они меня наконец-то простят...

Валерий Денисович АЛЁХИН

родился в 1952 году на Урале, в Пермском крае, на реке Чусовой.

Окончил МГУ им. Ломоносова (юридический факультет),

Всесоюзную академию внешней торговли.

В студенческие годы занимался в Литературной студии «Луч» при МГУ.

Награждён Почётной грамотой Совета Федерации.

Слушатель Высших литературных курсов Литературного института

им. Горького в Москве (семинар Игоря Большова).

Стихи и прозу пишет с 1975 года.

Публиковался в уральской региональной прессе.

В журнале «Север» публикуется впервые.

